

IV. а) Внесенные председателями комиссій, производивших испытанія студентовъ IV курса, списки съ отмѣтками балловъ по отвѣтамъ, даннымъ ими на годичныхъ испытаніяхъ, кандидатскимъ сочиненіямъ, писаннымъ ими на IV курсѣ, а также отвѣтамъ и сочиненіямъ ихъ за первые три курса. — По разсмотрѣніи сихъ списковъ и составленіи списка за четыре года академическаго курса оказалось, что изъ 53 студентовъ IV курса 19 имѣютъ въ среднемъ выводѣ по отвѣтамъ и сочиненіямъ баллъ не менѣе $4\frac{1}{2}$, 22 — не менѣе 4 и 2 — не менѣе 3. 10 студентовъ — *Булаковъ* Дмитрій, *Воскресенскій* Анатолій, *Калюцкій* Валеріанъ, *Крыловъ* Сергѣй, *Ланинъ* Евгеній, *Лебедевъ* Дмитрій, *Преображенскій* Иванъ, *Протопоповъ* Василій, *Свѣтловъ* Анатолій и *Славскій* Александръ — не представили кандидатскихъ сочиненій. — Студентами, имѣющими въ среднемъ выводѣ по отвѣтамъ и сочиненіямъ баллъ ниже 4, получены за четыре года академическаго курса слѣдующіе не вполне удовлетворительные баллы: *Багрецовымъ Леонидомъ*: на устныхъ испытаніяхъ по Священному Писанію Новаго Заветъа и исторіи философіи — 2, по патристикѣ и психологіи — 3 — и на семестровомъ сочиненіи по церковному праву — 3 —; *Спасоевичемъ Янко* (черногорскимъ уроженцомъ): на устныхъ испытаніяхъ — по библейской исторіи — $2\frac{1}{2}$, по нравственному богословію 3 — и на семестровомъ сочиненіи по догматическому богословію — 3 —.

б) Отзывы преподавателей Академии о кандидатскихъ сочиненіяхъ 43 студентовъ III-го курса:

1. Экстраординарнаго профессора Ивана Керсунскаго о сочиненіи студента *Багрецова Леонида*: „Книга Премудрости Иисуса сына Сирахова, какъ памятникъ греческаго языка и словесности“:

„Сочиненіе г. Багрецова, послѣ сравнительно краткаго (стр. 1—59) введенія, дѣлится на двѣ части: исагогическую (стр. 60 — 325) и филологическую (стр. 323—699) и завершается еще боѣе, нежели введеніе, краткимъ (стр. 700 — 703) заключеніемъ. Во введеніи авторъ раскрываетъ важность предмета и плодотворность изученія его въ научномъ отношеніи, указываетъ современный интересъ изслѣдованія о книгѣ Премудрости Иисуса сына Сирахова и постановку вопроса, устанавливаетъ точку

зрѣнія на предметъ изслѣдованія, представляетъ планъ своей работы и перечисляетъ источники и пособія для нея. Часть первую подраздѣляетъ на три главы, изъ коихъ въ первой (стран. 60—153) разсматриваетъ книгу Премудрости сына Сирахова, какъ памятникъ библейской неканонической письменности и представляетъ „црковный взглядъ на библейское достоинство этой книги“;— во второй (стран. 154—266) указываетъ мѣсто сей книги въ ряду библейскихъ книгъ, представляетъ ея характеръ и содержаніе, при чемъ со стороны характера представляетъ ее, какъ памятникъ библейской хохмической литературы, съ выясненіемъ и самаго понятія „премудрости“ (*σοφία*); и въ третьей (стран. 267—325) разсуждаетъ о времени происхожденія разсматриваемой книги и перевода ея съ еврейскаго на греческій языкъ, съ присоединеніемъ соображеній о личности писателя ея. Часть вторая, послѣ вступленія (стран. 328—349), изображающаго политическое состояніе народовъ іудейскаго и греческаго во время происхожденія книги Премудрости сына Сирахова и перевода ея, — измѣненія, происшедшія въ языкѣ греческомъ за то время и видъ этого языка—*κοινή διάλεκτος*, подраздѣляется также на три главы, изъ коихъ въ первой (стран. 350—651) авторъ обстоятельно изслѣдуетъ лексикографію книги Премудрости въ греческомъ ея переводѣ со стороны діалектологіи, такъ называемыхъ *ἄλλε λέγομενα*, отношенія ея къ лексикопу перевода LXX и классическихъ писателей, а равно позднѣйшихъ—іудейскихъ, языческихъ и христіанскихъ—писателей, не забывъ разсмотрѣніемъ и чужоземныя слова въ книгѣ Премудрости сына Сирахова; во второй (стран. 652—677) изслѣдуетъ „логическую организацію языка книги Премудрости“, т. е. раскрываетъ психологическія понятія въ ней (для образца), метафоры, сравненія, олицетворенія и аллегоріи, и въ третьей (стран. 678—699) говоритъ объ особенностяхъ этой книги, какъ памятника греческаго языка и словесности—стилистическихъ, о достоинствахъ и недостаткахъ ея въ греческомъ переводѣ.—Заключеніе представляетъ общіе выводы изъ всего сказаннаго въ изложеніи, особенно филологической части.

Хотя въ концѣ сочиненія (стран. 699 и дал., примѣчаніе) г. Вагренцовъ съ подобающею скромностію и указы-

вааетъ на краткость времени, бывшаго въ его распоряженіи, для полной обработки задуманнаго имъ труда: однако уже изъ сдѣланнаго нами очерка содержанія и изъ объема этого труда видно, какъ много сдѣлалъ онъ для такой обработки, какъ ясно представлялъ, широко поставилъ и правильно велъ свое не легкое дѣло. Краткость времени, особенно въ виду близости срока подачи сочиненія, была причиною лишь слѣдующихъ, правда весьма не желательныхъ въ такомъ трудѣ и значительно понижающихъ достоинство его, недостатковъ: 1) авторъ не вездѣ и не въ одинаковой степени удовлетворительно обдумалъ и обработалъ бывшій у него подъ руками богатый матеріалъ; и это должно сказать не только о второй, но и о первой, начальной, части его труда, въ которой находится много лишняго, не необходимаго для существа дѣла (напр. стран. 41—44; 63 и дал. примѣч. и др.) и, наоборотъ, недостаать иногда существенно необходимаго для рѣшенія тѣхъ или иныхъ вопросовъ (напр. стран. 106—107 не приведено выдающагося мѣста Сир. 10, 5 о значеніи книжниковъ въ послѣднѣе время). Во второй части лексиконъ словъ греческихъ, встрѣчающихся въ книгѣ Премудрости сына Сирахова, не рѣдко лишень строгости алфавитнаго порядка (напр. стран. 406 и дал.; 445 и дал.); приведено много словъ изъ этой книги, вовсе не важныхъ для исторіи греческаго языка (напр. на стран. 463—645) и наоборотъ, не приведено многихъ мѣстъ изъ области греческой письменности, въ которыхъ употребляются тѣ или нѣмь, болѣе важныя, встрѣчающіяся въ означенной книгѣ, слова (напр. стран. 405, 444 и др.); недостаточно раскрыто значеніе многихъ изъ такъ называемыхъ *ἀπὸ λέξεως* книги (стран. 357—372); не всегда обдуманно цитаты изъ другихъ писателей приводятся (напр. стран. 113, 343, 460) и т. п. 2) Авторъ не самъ переписывалъ свое сочиненіе; а просмотрѣть и провѣрить хорошенько ко времени подачи сочиненія, очевидно, не успѣлъ; переписчикъ же былъ неисправный и при томъ, по всему замѣтно, весьма торопился дѣломъ. Это имѣло своимъ послѣдствіемъ множество недоразумѣній, пропусковъ, ошибокъ и описокъ какъ въ греческомъ, такъ и въ русскомъ текстѣ сочиненія, производящихъ очень неблагоприятное впечатлѣніе на

читателя (напр. стран. 114, 116, 117, 149, 155, 159, 186 и т. д., особенно 555 и 560). При всемъ томъ, какъ ясность плана, широта и правильность постапки дѣла изслѣдованія предмета, который доселѣ не былъ подвергаемъ обсужденію съ разсматриваемой авторомъ точки зрѣнія въ богословско-филологической, не только русской, но и иностранной, литературѣ, такъ и другія достоинства его сочиненія, написаннаго языкомъ довольно чистымъ и живымъ, опирающагося повсюду на непреложномъ основаніи Слова Божія и церковнаго преданія (напр. стран. 3 и дал., 58 и дал., 69 и дал., 123 и дал. и др.) и представляющаго, особенно со стороны лексикологін, очень цѣнныя въ филологическомъ отношеніи данныя, по справедливости, даютъ полное право на присужденіе ему степени кандидата богословія“.

2. Экстраординарнаго профессора Александра Голубцова о сочиненіи студента *Бачалдина Ивана*: „Характеръ отношеній церковныхъ писателей къ употребленію въ церкви священныхъ изображеній до времени иконоборства“:

„Ни въ одной странѣ христіанскаго міра не развито столь сильно иконопочитаніе и не распространено въ связи съ этимъ такъ широко иконоупотребленіе, какъ въ нашемъ отечествѣ. И намъ думается, что на православномъ русскомъ богословѣ лежитъ долгъ заняться исторіей иконопочитанія — тѣмъ болѣе, что, за исключеніемъ случайныхъ замѣтокъ, мимоходныхъ рѣчей да полемическихъ трактатовъ древне-русскихъ книжниковъ у насъ ничего не имѣется по данному вопросу. И въ западной литературѣ, сколько знаемъ, также нѣтъ сочиненій, которыя нарочито трактовали бы этотъ предметъ и были бы полезны православному читателю. Въ этой мысли и предложена была вышеназванная тема, при чемъ взявшемуся за нее было объяснено, въ виду обширности и малообслѣдованности предмета, ограничиться на первый разъ знакомствомъ съ наиболѣе выдающимися церковными писателями до иконоборческаго періода и изложить въ систематическомъ видѣ то, что встрѣтится у нихъ по вопросу объ употребленіи въ церкви священныхъ изображеній. Съ рѣдкою въ студентѣ серьезностію отнесся г. Бачалдинъ къ дѣлу и представилъ обширное сочиненіе (594 + XX стрр. четкаго письма). Выяснивъ въ началѣ

введенія основаніе и значеніе въ духовно-религіозной жизни символики вообще, священныхъ изображеній въ частности, онъ раскрываетъ затѣмъ смыслъ иконопочитанія, доказываетъ согласіе послѣдняго съ Свящ. Писаніемъ и высказываетъ ту мысль, что Новый Заветъ въ соединеніи съ Вѣтимъ заключаетъ въ себѣ богатый запасъ художественныхъ образовъ и идей и долженъ бы благотворно повліять на художественно-творческую дѣятельность въ первоначальномъ христіанскомъ обществѣ. Но чувственное направленіе классическаго искусства въ періодъ появленія христіанства и еще болѣе опасенія, какъ бы съ допущеніемъ изображеній въ христіанскую среду не ввести въ нее идолопоклонства, были причиною нерасположенія и даже непріязненнаго отношенія къ священнымъ изображеніямъ первыхъ христіанскихъ писателей. Подробнымъ разсмотрѣніемъ взглядовъ послѣднихъ по данному вопросу и начинается г. Бачалдинъ самое изслѣдованіе. Отмѣтивъ въ началѣ первой главы все, такъ или иначе относившееся къ его предмету въ сочиненіяхъ мужей апостольскихъ, онъ подробно излагаетъ потомъ отрицательныя сужденія по вопросу объ изображеніяхъ Божества Іустина мученика, Мелитона Сардійскаго, Ариобія, Лактанція, Минуція Феликса, Оригена, исходившаго въ своемъ отрицаніи священ. изображеній не столько изъ понятія о вездѣсущи, невидимости и неизобразимости Божества, какъ то дѣлали большинство его предшественниковъ, сколько изъ возвышеннаго представленія о природѣ и свойствахъ человѣческой души; Евсевія Кесарійскаго и сходнаго по воззрѣніямъ съ нимъ Епифанія Кипрскаго. Познакомивъ съ крайними взглядами двухъ послѣднихъ, авторъ задается вопросомъ: былъ ли Евсевій по природѣ противникомъ искусства и вообще какъ относились къ произведеніямъ послѣдняго всѣ другіе древне-христіанскіе писатели? Изложивъ мнѣнія аполегетовъ, онъ останавливается преимущественно на Тертуліанѣ, какъ болѣе типичномъ представителѣ неблагоприятныхъ отношеній къ искусству, распространявшему и поддерживавшему своими произведеніями языческое идолослуженіе, а также на Татіанѣ и Теофилѣ Антиохійскомъ. Слѣды болѣе сочувственнаго отношенія къ искусству вообще и священнымъ изображеніямъ въ частности авторъ находитъ въ сочиненіяхъ Аѳинагора Аѳиня-

нина, Иринаея Лионскаго и особенно Климента Александрійскаго, которые стоятъ, по нему, на полпути отъ апологетовъ къ писателямъ послѣдующаго времени. Признаніе христіанства господствующей религіей, явно покровительственное отношеніе Константина Великаго и ближайшихъ его преемниковъ къ произведеніямъ искусства, а главнѣе — постепенный упадокъ язычества должны были благопріятно отозваться какъ на состояніи и характерѣ древне-христіанскаго искусства, такъ еще болѣе на отношеніи къ произведеніямъ послѣдняго представителей богословской мысли того времени. И дѣйствительно, почти все отцы и учителя церкви IV и первой половины V-го вв., обнаруживающіе въ своихъ твореніяхъ нерѣдко весьма близкое знакомство съ областію искусства, одни въ болѣе, другіе въ меньшей степени сочувствовали послѣдному. Цѣль, съ которою допускали они употребленіе священныхъ изображеній, понималась ими однакоже различно, и это даетъ нашему автору основаніе подраздѣлить писателей даннаго времени на три группы: къ первой — онъ относитъ Ефрема Сирина, Григорія Богослова, Григорія Нисскаго, Астерія Амасійскаго и Василя Великаго, видѣвшихъ въ священныхъ изображеніяхъ не только мощное религіозно-воспитательное орудіе, но и средство къ удовлетворенію эстетическихъ потребностей человѣческой природы; ко второй — Иоанна Златоуста, Нила Сивайскаго и бл. Августина, допускавшихъ изображенія въ видахъ нравственнаго назиданія, но не въ цѣляхъ эстетическихъ, и наконецъ къ третьей — Амфилохія Иконійскаго, Аеапасія Великаго, Аврелія Пруденція, Павлина Нолапскаго и Кирилла Александрійскаго, не достаточно подробно высказавшихъ свои взгляды на цѣль употребленія священныхъ изображеній. Но какъ рано начинается *религіозное* отношеніе къ послѣднимъ, когда появляется въ собственномъ смыслѣ чествованіе святыхъ иконъ? Отвѣтомъ на это служитъ у автора вся третья глава. Основываясь на цѣломъ рядѣ данныхъ прямыхъ и еще болѣе косвенныхъ изъ апологетовъ и послѣдующихъ церковныхъ писателей, онъ излагаетъ исторію употребленія христіанами крестнаго знаменія и изображеній креста, лицъ святой Троицы, ангеловъ и святыхъ и слѣдитъ за ходомъ постепеннаго раскрытія и уясненія церковными писателями,

въ особенности бл. Августиномъ, идеи христіанскаго чествованія святыхъ иконъ. Иконопочитаніе, все болѣе и болѣе распространявшееся между христіанами и усилившееся особенно въ V и VI вв., неминуемо должно было встрѣтить возраженія со стороны своихъ противниковъ и вызвать на защиту лицъ, сочувствовавшихъ ему. Разсмотрѣнію нападокъ на иконопочитаніе со стороны нѣкоторыхъ еретическихъ сектъ и отчасти іудеевъ и магометанъ и обзору писателей VI—VII стт., съ той или другой стороны касавшихся свящ. изображеній, защищавшихъ ихъ отъ иконоборцевъ и все болѣе и болѣе раскрывавшихъ положительное ученіе о почитаніи иконъ и поклоненіи имъ (Антипатра, еп. Бострійскаго, Θεодора Чтеца, Григорія Турскаго, Анастасія Θεопольскаго, Софронія Іерусалимскаго, Григорія Двоеслова, Симеона Столпника младшаго, Анастасія Синаита, Іоанна Θεссалоникскаго, Стефана Бострійскаго, Григорія Омиритскаго и Леонтія Пентапольскаго) и посвящена IV и послѣдняя глава сочиненія. — Уже изъ сказаннаго логко видѣть, какъ широко понялъ авторъ свою задачу и сколько стараній долженъ былъ приложить къ ея выполненію. Перечитать большую часть отцовъ, дѣяній VII вселенскаго собора и нѣкоторыхъ церковныхъ историковъ, хотя бы и въ переводѣ на русскій языкъ, уже составляло немалый трудъ. Но авторъ многое долженъ былъ и самъ переводить: изъ Арнобія, Тертуллиана, Оригена, Евсевія, бл. Августина, Павлина Ноланскаго, Григорія Двоеслова и другихъ. Не разъ приходилось ему сличать съ подлинникомъ наиболѣе важныя для него мѣста изъ существующихъ переводовъ. Но трудъ, понятно, не ограничивался однимъ прочтеніемъ. Авторъ не довольствовался механической выборкой изъ святоотеческихъ твореній мѣстъ, относившихся къ его темѣ, всюду бралъ ихъ въ контекстѣ, сопоставлялъ съ другими однородными мѣстами; словомъ, пытался уяснить себѣ общій взглядъ, все міровоззрѣніе того или другого писателя, и это особенно въ томъ случаѣ, когда послѣдній касался стороной занимавшаго автора вопроса. Безъ преувеличенія можно сказать, что авторъ всесторонне ознакомился съ предметомъ и собралъ обильный матеріалъ для рѣшенія поставленнаго ему вопроса; но обработать его вполне онъ

не успѣлъ. И прежде всего въ сочиненіи не замѣчается удачно составленнаго и во всѣхъ мелочахъ продуманнаго плана. Авторъ разсматриваетъ церковныхъ писателей то въ порядкѣ хронологической послѣдовательности, то руководится сходствомъ въ ихъ воззрѣніяхъ. Эта двойственность сопровождалась для него тѣмъ неудобствомъ, что къ одному и тому же писателю ему приходилось не разъ возвращаться. Въ результатѣ получались неизбѣжныя повторенія (282—284. 291—294. 462. 465. 477—479. 490—492. 493—494 и мн. др.). Отсутствіемъ строго обдуманнаго плана мы склонны объяснять отчасти не вполне естественныя, логическою послѣдовательностію мыслей не вызываемые переходы отъ однихъ разсужденій и рѣчей къ другимъ. Авторъ, иди къ намѣченной цѣли, иногда уклоняется въ сторону отъ предмета. Богатый матеріалъ, собранный по вопросу, повидимому, подавлялъ при этомъ писавшаго, и онъ не всегда умѣло пользовался имъ и зачастую приводилъ его въ сыромъ видѣ—въ рядѣ обширныхъ и дословныхъ выдержекъ. Послѣдвія значительно вредятъ вѣшной сторонѣ сочиненія, написаннаго, за исключеніемъ немногихъ неудачныхъ и неточныхъ выраженій (фигуративные символы, разсудительный діалектикъ, писатель—сомнитель, синтезъ выдержекъ, человѣческій вм. человѣкообразный, святой вм. священный и т. п., стрр. 17. 21. 25—26. 30. 48. 62. 142. 166. 171. 234. 235. 434. 448. 452. 480—481. 488 и друг.), языкомъ простымъ, правильнымъ и научно-серьезнымъ. Будетъ очень жаль, если авторъ изъ своего содержательнаго сочиненія не сдѣлаетъ полезнаго примѣненія. Предметъ, взятый имъ, очень сложный и трудный и надъ нимъ нужно еще много работать, чтобы довести сочиненіе до конца; но есть въ послѣднемъ главы (первая и вторая), которыя довольно легко можно было бы обработать въ видѣ отдѣльныхъ статей для печати. Принимая во вниманіе широкое знакомство автора съ святоотеческою литературой и своимъ предметомъ, незаурядныя познанія его въ древнихъ и отчасти новыхъ языкахъ и достаточныя свѣдѣнія въ русской археологической литературѣ, относившейся къ его вопросу, признаемъ его сочиненіе очень хорошимъ, вполне заслуживающимъ степени кандидата богословія“.

3. Доцента Ивана Попова о сочиненіи студента *Вьяленцева Семена*: „Св. Григорій Чудотворецъ“:

„Сочиненіе состоитъ изъ введенія и двухъ главъ. Во введеніи выясняется значеніе, которое имѣлъ св. Григорій въ церкви его времени, и дается краткое обзорѣніе источниковъ и литературы предмета. Первая глава посвящена изложенію біографическихъ свѣдѣній о св. Григоріи. Вторая представляетъ собою довольно подробный трактатъ о его сочиненіяхъ. Догматическаго ученія св. Григорія и положенія этого ученія въ исторіи христіанскихъ идей авторъ кратко и мимоходомъ касается при изложеніи содержанія сочиненій св. Григорія.

Авторъ въ достаточной мѣрѣ ознакомился съ содержащимъ сочиненій св. Григорія, а также и съ большею частію прямыхъ и важнѣйшихъ пособій. Заслуживаетъ похвалы и избранный имъ методъ изслѣдованія. Разнообразныя мнѣнія, высказанныя въ литературѣ по тѣмъ или инымъ частнымъ вопросамъ, авторъ разсматриваетъ въ хронологическомъ порядкѣ ихъ появленія и вноситъ къ нимъ поправки и дополненія на основаніи новыхъ и лучшихъ изслѣдованій. По всѣмъ вопросамъ авторъ останавливается на наибѣйшихъ и наиболѣе обоснованныхъ отвѣтахъ. Отсюда видно, что по своему общему характеру работа автора всецѣло компилятивная. Онъ не изслѣдователь предмета, а собиратель выводовъ, къ которымъ пришло научное изслѣдованіе. Но и выполненіе этой узкой задачи не выполнѣе безукоризненно. Оно могло бы быть гораздо обстоятельнѣе и полнѣе. Между тѣмъ, по нѣкоторымъ вопросамъ въ сочиненіи имѣются лишь краткія замѣтки. Въ работѣ замѣтна спѣшность, проявляющаяся въ постепенномъ уменьшеніи тщательности и обстоятельности по мѣрѣ приближенія къ концу.

Степени кандидата богословія авторъ достоинъ“.

4. Доцента Василія Мышцына о сочиненіи студента *Введенскаго Дмитрія*: „Ученіе Ветхаго Завѣта о грѣхѣ“:

„Сочиненіе г. Введенскаго состоитъ изъ краткаго введенія, въ которомъ указана литература предмета, и четырехъ главъ. Въ первой главѣ — о *сущности грѣха* (стр. 1—68) — авторъ разсматриваетъ еврейскія наименованія грѣха и приходитъ къ выводу, что они не даютъ достаточнаго матеріала для полнаго выясненія сущности грѣха. Всѣ они опре-

дѣлаютъ грѣхъ, какъ уклоненіе отъ нормы, отъ правильного пути и истинной цѣли, но что составляетъ въ данномъ случаѣ норму, изъ анализа наименованій не видно. За уясненіемъ этого авторъ обращается къ библіи и здѣсь едва не на каждой страницѣ видитъ ясное указаніе на то, что нормой, нарушеніе которой составляло грѣхъ, служила для ветхозавѣтнаго человѣка всегда воля Божія. Но эта норма, будучи въ сущности неизмѣнна, въ своихъ обнаруженіяхъ развивается и совершенствуется въ зависимости отъ нравственнаго состоянія человѣка. Первоначально она являлась сознанию человѣка въ формѣ обычаевъ и нравовъ, какъ выраженій воли Божіей („такъ не надлежало дѣлать“ — Быт. 34, 7; „какъ не дѣлаютъ“ — Быт. 20, 9). Отсюда и грѣхъ былъ уклоненіемъ отъ нравовъ и обычаевъ, разсматриваемыхъ какъ выраженіе воли Божіей. Со времени сицайскаго законодательства нравственной нормой является законъ („Мои законы исполняйте“ — Лев. 18, 4), хотя не потеряли совсѣмъ значенія ея и обычаи („ибо не дѣлается такъ въ Израилѣ, не дѣлай этого безумія“ — 2 Цар. 13, 12). Въ періодъ пророческій посредствованіе между волею Божіею и волею человѣка, являющееся сначала въ нравахъ и обычаяхъ, а потомъ въ законѣ, начинаетъ ступенчатымъ образомъ становиться у пророковъ, такъ сказать, лицомъ къ лицу съ Божественной волей и нравственные требованія дѣлаются глубже и выше. Въ зависимости отъ этого углубляется и понятіе грѣха.

Во второй главѣ (69—139 стр.)— о *субъектѣ или носителѣ грѣха*— авторъ настаиваетъ на необходимости различать въ рѣчи о грѣхѣ родъ и индивидуумъ. Человѣкъ, какъ членъ рода, подверженъ всеобщей, врожденной грѣховности, какъ индивидуумъ онъ—носитель личныя грѣховности. Это различіе объясняетъ видимое противорѣчіе между мѣстами библіи, гдѣ всѣ люди безъ исключенія представляются грѣшными, и мѣстами, гдѣ говорится о праведности нѣкоторыхъ лицъ. Мысль о всеобщности грѣха выражена, по автору, уже въ Быт. 6, 5; 8, 21; особенно же много свидѣтельствъ въ подтвержденіе ея авторъ находитъ у пророковъ. Основаніе всеобщности грѣха Ветхій Завѣтъ полагаетъ въ врожденности его. Авторъ приводитъ и анализируетъ ветхозавѣтныя свидѣтельства въ пользу этого.

Въ третьей главѣ (140—277) авторъ изслѣдуетъ ветхозавѣтное ученіе о *происхожденіи грѣха*. Здѣсь онъ даетъ подробный анализъ библейскому повѣствованію о грѣхопадѣніи, опровергаетъ аллегорическое и миѣическое толкованіе его и раскрываетъ положительный смыслъ повѣствованія. Въ концѣ главы онъ объясняетъ мѣста библии, въ которыхъ виновникомъ зла является, позидимому, съ одной стороны Богъ, съ другой—плоть.

Въ четвертой главѣ (277—354) авторъ говоритъ о *слѣдствіяхъ грѣха*, разумѣя подъ ними физическое зло и смерть. Объективное наказаніе за грѣхъ, какъ и субъективное сознаніе вины, съ библейской точки зрѣнія, разсматриваются, по автору, не какъ нѣчто привходящее отъвиѣ, но лишь какъ простое слѣдствіе, вытекающее изъ грѣха и возвращающееся на самого же виновника. Авторъ подтверждаетъ это многими мѣстами изъ библии и въ тоже время объясняетъ мѣста, повидимому противорѣчащія этой мысли, напр. о наказаніи до третьяго и четвертаго рода. Однако авторъ оговаривается, что не всякое зло физическое есть, по ученію Ветхаго Завѣта, наказаніе. Оно можетъ имѣть значеніе воспитательнаго средства. Изслѣдуя ветхозавѣтное ученіе о смерти, авторъ говоритъ о возможности безсмертія для первыхъ людей и опровергаетъ рационалистическій взглядъ, по которому смерть представляется въ библии слѣдствіемъ не грѣха, а тлѣнности челоувѣческой природы. Въ заключеніи (354—363 стр.) авторъ кратко говоритъ о средствахъ прощенія, „покрытія“ грѣха, по ученію Ветхаго Завѣта.

Главнѣйшимъ и весьма важнымъ достоинствомъ сочиненія г. Введенскаго, какъ видно уже отчасти изъ краткаго изложенія его содержанія, служитъ правильное пониманіе задачи труда и вполне соотвѣтствующій ему методъ. Авторъ не вдастся ни въ догматическія, ни тѣмъ болѣе въ философскія умозрѣнія на почвѣ библейской. Онъ не исходитъ изъ общихъ отвлеченныхъ и догматическихъ положеній и не привязываетъ къ нимъ механически ветхозавѣтныхъ понятій и представленій. Его задача—собрать и уяснить весь относящійся къ его предмету библейскій матеріалъ и, придерживаясь устанавливаемой въ самой библии связи понятій, привести его по возможности въ систему. Отъ этой

задачи авторъ почти никогда не отступаетъ. Отсюда сочиненіе его получило характеръ систематическаго экзегеса. Таково оно и должно быть по нашему мнѣнію.

При такой постановкѣ дѣла автору нельзя было черпать свои положенія „отъ своего разума“, но необходимо было главнымъ образомъ и первѣе всего изучить библію по интересующему его вопросу и ознакомиться съ результатами изученія библіи другими. Вообще то и другое сдѣлано было авторомъ въ достаточной степени. Видно, что онъ не ограничился готовыми собраніями ветхозавѣтныхъ цитатъ, имѣющимися въ бывшихъ у него подъ руками трудахъ, но самостоятельно изучалъ библію и извлекалъ изъ нея необходимый для него матеріалъ. Въ видахъ болѣе основательнаго и безпристрастнаго уясненія послѣдняго, авторъ ознакомился съ весьма многими учеными трудами, болѣею частью конечно ипостранными, частью косвенно, частью прямо относящимися къ его предмету. Кромѣ различныхъ латинскихъ и нѣмецкихъ комментаріевъ на Ветхій Заветъ (Корнелія-Ляпида, Лянго, Кейля, Штракка и Цокклера, Клабенбауера, Баумгартена, Кнобеля, Делича и др.) и библейскихъ богословій (Шульца, Дилльмана, Кайзера, Сменда, Олера, Бестманна, Гоффмана и др.), авторъ пользовался прямо относящимися къ его томѣ трудами Клемена, Мюллера, Филиппи, Умбрейта, Бретшнейдера, Краббэ и др. Изъ всѣхъ этихъ трудовъ авторомъ постоянно приводятся выдержки всегда съ точной цитаціей. Такъ какъ большая часть этихъ ученыхъ имѣетъ свой односторонній и предвзятый взглядъ на предметъ, то автору весьма часто приходилось полемизировать съ ними. Однако полемика эта болѣею частью ведется, какъ и слѣдовало, на почвѣ экзегеса и притомъ занимаетъ въ сочиненіи обычно второстепенное мѣсто, будучи помѣщаема болѣею частью подъ строкой.

Результатомъ правильной постановки вопроса, вѣрнаго метода и значительнаго знакомства съ литературой предмета является у автора всестороннее и вообще безпристрастное раскрытіе ветхозавѣтнаго понятія о грѣхѣ. Правда въ частности у г. Введенскаго можно находить и пробѣлы, таковы: 1) рассматривая еврейскія наименованія грѣха, онъ не видитъ въ нихъ указанія на различіе въ

степени грѣховности и вообще нигдѣ не говоритъ о томъ, различалъ ли Ветхій Завѣтъ въ грѣхѣхъ степени преступности въ зависимости отъ степени участія въ немъ сознанія и свободы? 2) не съ достаточною обстоятельностью и убѣдительною рѣшаетъ вопросъ, въ какомъ смыслѣ Богъ представляется въ В. З. ожесточающимъ сердце, и мало объясняетъ извѣстное трудное мѣсто изъ Псалм 6, 9—10; 3) мысль автора, что наказаніе въ В. З. мыслится какъ непремѣнное слѣдствіе грѣха, падающее лишь на самого виновника его, пуждается не только въ обоснованіи, но и въ провѣркѣ. Но эти и нѣкоторыя другіе, указанные нами на поляхъ сочиненія, недочеты мало вліяютъ на общій ходъ ученой работы г. Введенскаго и безъ особеннаго труда могутъ быть имъ восполнены при рекомендуемомъ ему нами изданіи сочиненія въ свѣтъ. Посему мы считаемъ г. Введенскаго не только достойнымъ степени кандидата богословія, но и заслуживающимъ особой похвалы“.

5. И. д. доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Горчукова Мирона*: „Взглядъ древне-русскихъ людей на латинство, въ связи съ вопросомъ о происхожденіи раскола“:

„Сочиненіе г. Горчукова представляетъ обширное изслѣдованіе о значеніи древне-русскаго взгляда на латинство, какъ одного изъ весьма важныхъ факторовъ, подготовлявшихъ почву для нашего такъ наз. старообрядческаго раскола. Частіе авторъ во „введеніи“ къ своему труду (стр. 1—8), послѣ краткаго вступительнаго замѣчанія о руководящихъ началахъ книжно-обрядовыхъ исправленій патріарха Никона и протеста его противниковъ, указываетъ задачу своего изслѣдованія въ раскрытіи того, во-первыхъ, какъ упомянутый взглядъ на латинство въ самый періодъ своего установленія отразился на характерѣ древне-русской религіозности; во-вторыхъ, какъ повліялъ онъ на развитіе русскаго религіознаго самосознанія въ антигреческомъ направленіи, и наконецъ, въ третьихъ, какъ заявилъ онъ себя въ самой исторіи возникновенія раскола. Сообразно этому и самое изслѣдованіе раздѣлено на три главы.

Первая изъ нихъ (стр. 8—139), согласно указанному плану, посвящена выясненію происхожденія извѣстнаго крайне-отрицательнаго взгляда нашихъ предковъ на латин-

ство и вліянія этого взгляда на развитіе обрядовѣрнаго направленія древне-русской религіозности, такъ печально заявившаго о себѣ въ фактъ возникновенія у насъ такъ наз. старообрядческаго раскола изъ-за обрядовыхъ перемѣнъ. Воспользовавшись для своей цѣли всею паличностью относящихся сюда источниковъ, въ ряду которыхъ перво-степенное значеніе принадлежитъ многочисленнымъ памятникамъ греко-русской полемики противъ латинства, авторъ на основаніи ихъ представилъ превосходный очеркъ указаннаго содержанія, замѣчательный по тщательности анализа историческихъ данныхъ, стройности концепціи и мастерству изложенія добытыхъ результатовъ. Это — лучший по обработанности отдѣлъ разсматриваемаго сочиненія, который по своимъ качествамъ одинъ былъ бы достаточенъ для признанія за авторомъ права на искомую имъ степень. — Вторая глава (стр. 141—340) подробно изображаетъ процессъ распространенія тѣхъ же отрицательныхъ взглядовъ съ латинянъ на христіанъ православнаго Востока (будто-бы „предавшихъ православную вѣру въ латинство“ и за это подвергшихся политическимъ бѣдствіямъ, создавшимъ еще новыя опасности для греческаго православія) и возникшаго на этой почвѣ противопоставленія мѣстно-русскихъ особенностей церковнаго обряда, какъ православныхъ, обрядовымъ особенностямъ греческой церкви, какъ носящимъ на себѣ печать латинскаго еретичества. Этотъ процессъ патологическаго роста религіозно-націоналистической исключительности, рѣзко обнаружившейся въ религіозномъ сознаніи русскихъ людей XVI—XVII вв. и приведшей ихъ къ незаконному усвоенію вселенско-догматическаго значенія обрядовымъ особенностямъ своей мѣстно-національной церкви, изображенъ авторомъ весьма обстоятельно и полно. Лучшія качества разсматриваемаго труда: тщательность изслѣдованія и строгое соотвѣтствіе выводовъ раскрытымъ историческимъ даннымъ заявляютъ себя и въ этой главѣ; но со стороны своей стройности этотъ отдѣлъ сочиненія нѣсколько уступаетъ предыдущему. Главнымъ недостаткомъ здѣсь, впрочемъ—вполнѣ извинительнымъ, является стремленіе автора подробно обслѣдовать не только тѣ стороны изучаемыхъ явленій, которыя имѣютъ для него прямой интересъ, но также и тѣ, которыя лишь соприкасаются

съ его основной задачей. Такъ, напр., авторъ съ излишнею, на нашъ взглядъ, подробностію останавливается на исторіи двухъ обрядовыхъ особенностей—сугубой аллилуйи (стр. 203—235) и двуперстія (стр. 235—276), тогда какъ для его цѣлей было-бы вполне достаточно, не повторяя общезвѣстнаго, ограничиться указаніемъ процесса усвоенія названнымъ особенностямъ догматическаго значенія, а противоположнымъ обрядовымъ формамъ—значенія „латинскихъ ересей“. Стремленіе къ всеисчерпывающей полнотѣ выясненія всѣхъ частныхъ, встрѣчающихся на пути изслѣдованія, влечетъ за собою и другую невыгоду для автора, заставляя его иногда высказывать сужденія и мнѣнія по частнымъ, мимоходомъ затрогиваемымъ, вопросамъ (напр. относительно времени происхожденія повѣсти о бѣломъ клобукѣ—стр. 291—294 и т. п.) не достаточно основательныя.—Тотъ же самый недостатокъ замѣчается и въ третьей главѣ (стр. 341—516), выясняющей, какъ отразились вышеуказанныя древно-русскія воззрѣнія въ протестѣ противъ извѣстныхъ книжно-обрядовыхъ исправленій п. Никона, вытекавшихъ—по мысли автора—изъ ясно сознанный идеи вселенской Церкви. Значительная часть этой главы посвящена слишкомъ подробному для цѣлей автора и не вызываемому положеніемъ этого предмета въ существующей литературѣ изложенію обстоятельствъ, произведшихъ на Руси въ XVII в. перемѣну взгляда на грековъ въ смыслѣ возстановленія довѣрія къ ихъ православію. Въ то же самое время упомянутый сейчасъ взглядъ на основной принципъ исправительной дѣятельности п. Никона, разъясняемый въ этой главѣ и представляющій весьма большой апологетическій интересъ, остается скорѣе вѣрованіемъ автора, чѣмъ вполне обоснованнымъ научнымъ тезисомъ его сочиненія. Впрочемъ, основная задача и этой главы—выясненію взгляда расколуучителей на церковныя исправленія, какъ на „отступленіе къ римскому костелу“, и на новоисправленныя книги и обряды, какъ на признаки латинскаго еретичества, замутившаго собою чистое православіе русской земли—выполнена авторомъ съ такою основательностію, что вполне примиряетъ читателя съ только-что указаннымъ недостаткомъ.

Обращаясь къ оцѣнкѣ сочиненія г. Горчукова въ цѣломъ,

нужно сказать, что оно представляет собою трудъ вполне научный, серьезный и талантливый. Съ замѣчательною полнотою изучивши свои первоисточники и литературу, авторъ на основаніи ихъ всесторонне обследовалъ свой предметъ и пришелъ къ результатамъ сколько серьезнымъ въ научномъ отношеніи, столько же доброкачественнымъ и въ интересахъ полемическихъ. Отъ срочнаго студенческаго сочиненія едва ли можно желать больше того, что сдѣлано г. Горчуковымъ. Поэтому признаю его произведеніе не только превосходнымъ въ качествѣ кандидатской диссертациі, но и заслуживающимъ особаго поощренія“.

6. Заслуженнаго ординарнаго профессора Николая Каптерева о сочиненіи студента *Державина Николая*: „Патріархъ Іоакимъ“:

„Сочиненіе студента IV курса Николая Державина подъ заглавіемъ: *Патріархъ Іоакимъ*, представленное итъ для полученія ученой степени и очень обширное по объему (896 стр.), состоитъ изъ девяти главъ.

Въ первой главѣ авторъ говоритъ о происхожденіи Іоакима, его воспитаніи, жизни до монашества, о постриженіи въ монахи, о прохожденіи имъ различныхъ должностей въ разныхъ мѣстностяхъ, о его видной дѣятельности на соборѣ 1667 года, о его поставленіи въ повгородскіе митрополиты, а потомъ и въ патріархи московскіе.

Въ слѣдующихъ восьми главахъ авторъ очерчиваетъ разностороннюю дѣятельность Іоакима какъ патріарха московскаго. Здѣсь съ большою подробностію, часто словами подлинныхъ документовъ, извлекаемыхъ имъ по большей части изъ разныхъ печатныхъ изданій, а иногда и изъ рукописей, онъ изображаетъ патріарха Іоакима: 1) какъ неустаннаго, самаго энергичнаго борца съ расколомъ, сильно волновавшимъ тогда русское общество и даже заявившимъ себя открытымъ бунтомъ въ Москвѣ; 2) какъ дѣятельнаго, осторожнаго и мудраго руководителя въ дѣлѣ продолженія исправленія русскихъ церковно-богослужебныхъ книгъ; 3) какъ ревнителя достоинства и чести московской патріаршей кафедрѣ, значенія и сферу власти которой онъ значительно расширилъ чрезъ подчиненіе кievской митрополіи московскому патріарху; 4) какъ ревностнаго охранителя строгаго русско-греческаго неизмѣннаго православія,

на которое могли вліять вреднымъ образомъ явившіеся въ Москву южно-русскіе ученые, воспитанники латинскихъ школъ, и потому сознательно или несознательно распространявшіе въ Москвѣ различныя латинскія воззрѣнія; 5) какъ ревностнаго дѣятеля при открытіи въ Москвѣ Славяно-греко-латинской Академіи, которой онъ всячески покровительствовалъ, придавъ обученію въ ней строго православный греческій характеръ при посредствѣ извѣстныхъ учителей—братъевъ Лихудовъ; 6) какъ ревностнаго и предусмотрительнаго борца противъ пропаганды въ московскомъ царствѣ католичества и протестантства, которыя стремились тогда прочно утвердиться въ Москвѣ съ цѣлію распространять здѣсь между православными свое ученіе; 7) какъ заботливаго и дѣятельнаго администратора, старавшагося ввести во все церковное управленіе большую правильность и порядокъ, старавшагося о большей матеріальной обеспеченности блага духовенства, о его большей независимости отъ свѣтскихъ властей и свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ; 8) какъ замѣтнаго политическаго дѣятеля, принимавшаго иногда живое участіе во многихъ тогдашнихъ политическихъ событіяхъ, и какъ выдающагося общественнаго дѣятели, особенно сердечно заботившагося о больныхъ, престарѣлыхъ, сырыхъ, вдовахъ и бѣдныхъ, для которыхъ имъ устраивались въ Москвѣ на церковныя средства особые дома-пріюты.

Изъ сказаннаго очевидно, что авторъ постарался въ своемъ изслѣдованіи изобразить дѣятельность патріарха Іоакима во всей ея полнотѣ и разнообразіи, что ему вполне и удалось, такъ что сочиненіе г. Державина представляетъ подробный и обстоятельный выборку—сводъ всего, что ранѣе писалось и извѣстно было о патріархѣ Іоакимѣ. И если авторъ не вноситъ въ свое изслѣдованіе какихъ-либо новыхъ данныхъ, извлекаемыхъ изъ неизданнаго доселѣ архивнаго матеріала, не открываетъ новыхъ точекъ зрѣнія на предметъ и новыхъ перспективъ въ его разработкѣ; за то авторъ съ замѣчательнымъ трудолюбіемъ и усидчивостію собралъ въ своемъ сочиненіи все то, что ранѣе гдѣ-либо писалось и извѣстно было о патріархѣ Іоакимѣ, его времени и дѣятельности, а это потребовало отъ него, въ виду крайней разбросанности матеріала по разнымъ изданіямъ,

книгамъ, книжкамъ, журналамъ, брошюрамъ и т. под., огромнаго усидчиваго труда и очень много времени, почему, вслѣдствіе ограниченности срока работы, ему только и возможно было привести въ порядокъ собранный имъ обширный матеріалъ, по необходимости отказавшись отъ его самостоятельной детальной разработки“.

7. Доцента Ивана Попова о сочиненіи студента *Дмитревскаго Ивана*: „Евагріи Понтянинъ“:

„Обширному сочиненію г. Дмитревскаго предпосылается обстоятельное обзорѣніе источниковъ и пособій, которое даетъ наглядное представленіе о современномъ положеніи вопроса. Затѣмъ слѣдуетъ введеніе, посвященное общей характеристикѣ эпохи. Самое изслѣдованіе по естественному плану распадается на нѣсколько главъ. Въ первой даны біографическія свѣдѣнія объ Евагріи. Во второй и третьей рѣчь идетъ о сочиненіяхъ Евагріи подлинныхъ и неподлинныхъ, сохранившихся до нашихъ дней и утраченныхъ. Въ четвертой главѣ систематически излагается ученіе Евагріи. Въ пятой изслѣдуется вопросъ о влияніи на Евагріи Василя Великаго, Григорія Богослова, Григорія Нисскаго, препр. Антонія, Макарія и вообще аскетическихъ воззрѣній того времени. Въ шестой главѣ излагается исторія осужденія Евагріи. Заключеніемъ служатъ приложенія, выдѣленные изъ текста, чтобы не нарушать цѣлостности впечатлѣнія.

Сочиненіе г. Дмитревскаго не чуждо нѣкоторыхъ, правда не крупныхъ и извинительныхъ недостатковъ. Такъ, напр. его введеніе составлено слишкомъ поверхностно и односторонне и имѣетъ мало отношенія къ самому труду, потому что ничего въ немъ не уясняетъ. Для систематическаго изложенія ученія Евагріи авторомъ избранъ неудобный принципъ дѣленія, который заставилъ его касаться одного и того же пункта въ нѣсколькихъ отдѣлахъ и привелъ къ повтореніямъ. Избраніе этого принципа объясняется похвальнымъ желаніемъ автора излагать ученіе Евагріи по системѣ, свойственной самому этому писателю, но къ сожалѣнію замыселъ этотъ неисполнимъ вслѣдствіе утраты многихъ сочиненій Евагріи. Встрѣчаются ошибки, происходящія отъ невнимательнаго отношенія къ свидѣтельствамъ, и неясное пониманіе нѣкоторыхъ мыслей Евагріи, котораго можно было бы избѣгать при той начитанности въ аскети-

ческой литературѣ, которую авторъ обнаружилъ. Сочиненіе, написанное въ общемъ тономъ дѣловымъ, на нѣкоторыхъ страницахъ содержитъ отступленія, которыя тѣмъ нежелательнѣй, что въ нихъ слышится пронія, не гармонирующая съ общою серьезностію труда.

Всѣ отмѣченные недостатки, имѣя совершенно частный и случайный характеръ, извинительны и до нѣкоторой степени неизбежны въ каждомъ трудѣ. Къ тому же они окупаются несомнѣнными достоинствами сочиненія г. Дмитревскаго. Уже краткое изложеніе его содержанія показываетъ, что оно представляетъ собою вполне законченное цѣлое и охватываетъ предметъ со всѣхъ сторонъ. При современномъ состояніи источниковъ тема можетъ считаться исчерпанной, и въ трудѣ г. Дмитревскаго можно сдѣлать только мелкія поправки и измѣненія. Кромѣ полноты изслѣдованія въ качествѣ второго крупнаго достоинства сочиненія нужно отмѣтить вполне научное отношеніе его автора къ источникамъ и пособіямъ. Прежде чѣмъ пользоваться источникомъ, онъ всегда старается установить степень его исторической достовѣрности. Вся литература предмета, доступная автору, старательно имъ собрана и критически провѣрена. Нѣкоторые отдѣлы сочиненія (напр. 5 гл.) составлены вполне самостоятельно. Въ числѣ пособій авторъ пользовался изслѣдованіемъ Цоклера (Zöckler. Evagrius Pontikus), но не смотря на подробность этого сочиненія, онъ сумѣлъ высидѣться надъ нимъ и внести къ нему многочисленныя поправки и дополненія. Кромѣ этого, онъ сличилъ древніе славянскіе переводы, сохранившіеся въ рукописяхъ академической и лаврской бібліотекъ. Съ внѣшней стороны работа выполнена очень тщательно и даже снабжена географической картой.

Степени кандидата авторъ вполне достоинъ“.

8. Ординарнаго профессора Николая Заозерскаго о сочиненіи студента *Доброленскаго Павла*: „Законодательство Петра Великаго относительно обрученія и брака“:

„Довольно обширное (I—VI; 1—513) сочиненіе студента П. Доброленскаго состоитъ изъ предисловія, введенія и семи главъ.

Въ предисловіи авторъ изъясняетъ задачу, методъ и планъ своего сочиненія.

Соотвѣтственно задачѣ — представить полное изложене законодательства Петра Великаго о бракѣ въ связи съ историческимъ освѣщеніемъ современнаго ему состоянія общества, авторъ во *введеніи* и представляетъ характеристику общественныхъ и семейныхъ нравовъ предъ реформою Петра. Въ довольно просторномъ (1—74) очеркѣ авторъ главнымъ образомъ и нѣсколько преувеличенно рисуетъ картины деморализаціи древнерусской семьи, зависѣвшей отъ жалкаго положенія женщины въ семьѣ и обществѣ и въ грубомъ возрѣніи на бракъ, какъ на договоръ, заключаемый родителями жениха и невесты безъ согласія и вѣдома этихъ послѣднихъ. Отсюда первую заботою великаго преобразователя и было уничтоженіе затворничества женщины и возвышеніе ея личнаго достоинства и общественнаго положенія (стр. 75—87). Но еще сильнѣйшая причина неблагоустройства семейнаго заключалась въ самомъ способѣ заключенія обрученія и брака, утвердившемся долгимъ обычаемъ. Обрученіе заключалось въ формѣ договора — „рядною записью“ съ весьма значительною неустойкою — „зарядомъ“, дѣлавшею невозможнымъ для бѣднаго человѣка нарушеніе договора, хотя бы условленный бракъ и былъ ему противенъ. Въ главѣ II-й авторъ и представляетъ яркое изображеніе этого древнерусскаго способа заключенія обрученія и брака, а затѣмъ представляетъ законодательство Петра, предоставляющее жениху и невестѣ право безпрепятственно выражать свое согласіе или несогласіе на бракъ и устанавливающее шестинедѣльный промежутокъ между совершеніемъ обрученія и брака съ тою именно цѣлью, чтобы доставить жениху и невестѣ возможность достаточно познакомиться другъ съ другомъ и такъ образомъ вполне сознательно и свободно по взаимному влеченію вступить въ бракъ. Въ гл. III-й (197—242), носящей заглавіе: *порядокъ совершенія брака*, авторъ говоритъ сначала о „вѣчныхъ памятяхъ“, какъ необходимыхъ документахъ для совершенія брака, выдававшихся въ древней Руси епархіальнымъ начальствомъ, и о вѣчныхъ пошлинахъ, взимавшихся при этомъ въ казну епархіальнаго архіерея. При Петрѣ Великомъ эти вѣчныя памяти и пошлины оставлены въ прежней силѣ, только послѣднія (т. е. пошлины) получили иное назначеніе (не въ пользу архіерея, а на лаза-

реты). Затѣмъ, подъ особою рубрикою „обрученіе“ авторъ снова говоритъ о вышеупомянутомъ законѣ Петра, назначающемъ шестинедѣльный промежутокъ между обрученіемъ и вѣнчаніемъ, наконецъ — о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ чинѣ вѣнчанія и объ обязательномъ введеніи при церквахъ метрическихъ книгъ. Глава IV-я посвящена весьма обстоятельному обзорѣнію законодательства о смѣшанныхъ бракахъ съ основательною оцѣнкою его съ канонической точки зрѣнія. Глава V-я (391—448) представляетъ обзорѣніе законодательства Петра о расторженіи брака — преимущественно объ основаніяхъ брачнаго развода. Глава VI (449—495) подъ рубрикою: *личныя и имущественныя права супруговъ* — тщательно отмѣчаетъ въ петровскомъ законодательствѣ какъ подтвержденіе исконныхъ началъ русскаго гражданскаго права по данному предмету, такъ и нѣкоторыя отличія, введенныя самостоятельно Петромъ (напр. законъ о единонаслѣдіи). Глава VII и послѣдняя (495—513) подъ рубрикою: *„компетенція законодательства по брачнымъ дѣламъ“* имѣетъ характеръ заключительной по отношенію къ цѣлому сочиненію. Въ ней авторъ раскрываетъ ту мысль, что поелику въ христіанскомъ бракѣ соединяются элементы религіозно-нравственный и гражданскій; то отсюда проистекаетъ и двоякая компетенція законодательства и суда по дѣламъ брачнымъ — церковная и государственная. Такъ было въ Византійской имперіи, гдѣ законодательство по брачному праву явилось результатомъ совмѣстнаго дѣйствованія власти церковной и государственной. Но въ древней Руси всѣ дѣла о бракахъ вѣдала исключительно церковная власть по тѣмъ законамъ, какіе были выработаны въ Византіи. Русская государственная власть не входила въ эти дѣла и это обстоятельство служило причиною многихъ неурядицъ и въ нашемъ семейственномъ правѣ и въ самыхъ судахъ церковныхъ: такъ какъ Церкви приходилось очень часто вѣдать дѣла гражданскаго и уголовнаго свойства, совершенно не свойственныя ея призванію. Заслуга Петра Великаго въ данномъ случаѣ въ томъ, что онъ положилъ начало раздѣленія въ брачномъ и семейственномъ правѣ элементовъ права церковнаго и права гражданскаго и лишь первые оставилъ за церковнымъ судомъ, отнеся вторые въ сферу вѣдѣнія гражданскихъ судовъ. Положенное Петромъ начало

раздѣленія вѣдомства церковнаго и гражданскаго судовъ по праву брачному и семейственному поддерживалось во все послѣдующее время и сохраняется по нынѣ.

Какъ можно судить уже по этому изложенію содержанія разсматриваемаго сочиненія, оно отличается полнотою изслѣдованія даннаго предмета. Дѣйствительно авторомъ весьма усердно изучено законодательство Петрова времени; но этого мало. Авторъ приложилъ трудъ и къ изученію раннѣйшаго церковнаго законодательства по брачному праву и съ этимъ послѣднимъ поставилъ въ связь законодательство времени Петра; наконецъ онъ во многихъ случаяхъ прослѣдилъ и позднѣйшую его судьбу. Такимъ образомъ, методъ изслѣдованія автора можно вполне признать историко-критическимъ.

Но богатое содержаніемъ сочиненіе студ. П. Доброленскаго далеко не вездѣ безукоризненно по внѣшней обработкѣ. Общій недостатокъ автора — многословіе и широкое изложеніе. Нерѣдко, особенно въ первой половинѣ встрѣчаются и повторенія. Такъ., напр., авторъ многое повторяетъ въ первой своей главѣ изъ того, что сказано было уже во введеніи. Объ обрученіи онъ говоритъ въ двухъ главахъ— въ I-й и въ III-й.

Признаю сочиненіе вполне удовлетворительнымъ для при- сужденія автору ученой степени кандидата богословія“.

9. Ординарнаго профессора Николая Заозерскаго о сочиненіи студента священника *Добросердова Иоанна*: „Сравнительное обозрѣніе мѣропріятій относительно церковнаго благоустройства, предназначертанныхъ соборами Стоглавымъ и Большимъ Московскимъ 1667 года“:

„Названное сочиненіе, довольно обширное по объему (1—23 + 1 — 490) представляетъ собою законченное и довольно тщательно по внѣшности обработанное изслѣдованіе избраннаго авторомъ предмета.

Самому изслѣдованію предпосылаются вводныя части: предисловіе (1—23) и введеніе (1—71). Въ предисловіи авторъ сначала раскрываетъ мысль о важности изученія памятниковъ права вообще и памятниковъ церковнаго права въ частности и объ особенномъ интересѣ и важности постановленій соборовъ Стоглаваго и Московскаго 1667 г., составляющихъ предметъ его сочиненія, за тѣмъ предла-

гаеть дов. полный перечень источниковъ и пособій для изученія своего предмета.

Во введеніи, которое авторъ назвалъ для чего-то „*вмѣсто введенія*“, предлагается историческое изложеніе обстоятельствъ, при которыхъ и по поводу которыхъ составились два названныхъ въ томъ церковныхъ собора.

Самое обозрѣніе и изслѣдованіе постановленій того и другого соборовъ расположено у автора въ слѣдующихъ четырехъ главахъ.

Въ главѣ первой излагаются мѣропріятія относительно исправленія чина и совершенія богослуженія раздѣльно обоихъ соборовъ Стоглаваго (83—175) и Московскаго 1667 г. (175—224).

Во второй—мѣропріятія касательно церковнаго управленія и суда какъ собора Стоглаваго (стр. 225—273), такъ и Московскаго (стр. 274—320).

Въ третьей—мѣропріятія относительно религіозно-нравственной жизни духовенства и мірянъ собора Стоглаваго (321—355) и собора 1667 года (356—392).

Въ четвертой — авторъ представляетъ сравнительную оцѣнку, каноническую основательность и значеніе постановленій обоихъ соборовъ для церковнаго законодательства послѣдующаго времени (392—476).

Свое изслѣдованіе авторъ оканчиваетъ заключеніемъ (476—490), въ которомъ высказываетъ свои впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ обстоятельнаго изученія соборныхъ постановленій. Онъ именно говоритъ здѣсь, что изученіе постановленій того и другаго соборовъ утвердило его въ убѣжденіи, что церковное законодательство всегда должно быть консервативно, „при всемъ разнообразіи и измѣнчивости формъ церковной жизни въ различные періоды она должна имѣть одни *постоянныя* (лучше бы сказать *устойчивыя*) начала, что эти начала не суть произведенія исторіи, но коренятся во внутреннемъ существѣ самой природы церкви, какъ духовно-нравственнаго организма“ (стр. 476—477).

Но эта устойчивость основныхъ началъ законодательства или этотъ консерватизмъ его не исключаютъ и не должны исключать обязанности законодателя отдавать дань требованіямъ времени, развивать эти начала, вносить новые эле-

менты въ кодексъ, именно какъ приспособленіе къ потребностямъ жизни. Отсюда, при единствѣ общаго характера постановленій того и другаго соборовъ (Стоглаваго и Московскаго 1667 г.) замѣчается и довольно ощутительная разность. Стоглавый соборъ „старается держаться исключительно на исторической точкѣ зрѣнія: его основное начало — преданіе, но цѣль—возвращеніе къ этому преданію.... Большой Московскій соборъ 1667 г., не отвергая важности преданія, дѣлалъ попытки провѣрить его съ точки зрѣнія теоретической богословской мысли.... Здѣсь ясно уже стремленіе отнестись критически къ традиціоннымъ формамъ и условіямъ жизни, очистить ихъ отъ случайныхъ наростовъ и раскрыть ихъ истинный смыслъ“ (стр. 484—486).... „Но вообще въ обоихъ памятникахъ русское церковное право заявило главнымъ образомъ свой вполнѣ историко-консервативный характеръ: новыя узакненія не столько отмѣняли предшествующія, сколько дополняли и уясняли ихъ“ (стр. 487).

Въ общемъ сочиненіе студ. священника Іоанна Добросердова производитъ хорошее впечатлѣніе. Онъ приложилъ усердный трудъ къ изученію подлинныхъ дѣяній того и другаго изъ названныхъ русскихъ соборовъ; достаточно ознакомился и съ русскою историческою о нихъ литературою. Но тѣмъ не менѣе его историческая критика постановленій особенно Стоглаваго собора страдаетъ довольно крупными недостатками, происшедшими преимущественно отъ недостаточности свѣдѣній его по исторіи памятниковъ древнерусскаго и византійскаго каноническаго права. Для послѣдняго въ перечнѣ его источниковъ указывается только одно изданіе Белериджа *Συνοδικόν*. Изъ памятниковъ каноническаго права русской церкви въ томъ же перечнѣ указываются только „Книга правилъ“ да Кормчая книга. Съ такими источниками невозможно отваживаться на историческую критику постановленій Стоглаваго собора. Отсюда и произошло, что, желая указать источникъ какого либо постановленія собора, авторъ принужденъ былъ прибѣгать къ совсѣмъ неосновательнымъ догадкамъ, или прямо высказывать, что соборъ „откуда-то“ заимствуетъ свое правило, или даже прямо обвинять соборъ въ канонической неосновательности своихъ постановленій. Такъ напр. на стр. 339

авторъ пишетъ: „Въ обоснованіе этого Стоглавъ приводитъ слѣдующую выписку *откуда-то*, выдавая ее за церковное правило: „аще который священно-инокъ или инокиня не приѣмлетъ причащенія отъ мірскаго священника, имущаго жену, да будетъ проклятъ“. Такое правило довольно часто встрѣчается и въ греческихъ и древнерусскихъ т. н. покаянныхъ номоканонахъ, съ которыми авторъ, очевидно, не знакомъ.

Въ виду многосложности труда, подлежащаго автору совершить въ теченіи одного года, будетъ справедливо отнестись снисходительно къ этому недостатку.

Признаю сочиненіе вполне заслуживающимъ одобрительный отзывъ для присужденія автору ученой степени кандидата богословія“.

10) И. д. доцента Павла Соколова о сочиненіи студента *Заозерскаго Александра*: „Душа, какъ образъ Божій“:

„Задача г. Заозерскаго состояла въ томъ, чтобы разсмотрѣть библейское ученіе объ образѣ Божіемъ и выяснитъ на основаніи его общіе принципы христіанской психологіи. Изслѣдованію библейскаго ученія авторъ посвящаетъ первую половину своего небольшого сочиненія, а психологической теоріи—вторую. Подвергнувъ основательной и мѣткой критикѣ опредѣленіе понятій образа и подобія Божія, данное г. Серебренниковымъ въ его диссертации „Ученіе Локка о прирожденныхъ началахъ знанія и дѣятельности“, онъ пытается самостоятельно уяснить ихъ значеніе на основаніи библейскаго текста и при помощи извѣстнаго толкованія Быт. I, 26—27 у Св. Григорія Нисскаго. По его мнѣнію, образъ Божій есть „формальное“ или общее сходство человѣка съ Богомъ, вложенное въ его духовную природу самимъ Творцомъ, а подобіе Божіе есть „матеріальное“ или личное сходство, поставленное для него только какъ цѣль, осуществленіе которой зависитъ отъ его собственныхъ свободныхъ усилій. Первое заключается въ общихъ свойствахъ духовной природы человѣка,—активности и единствѣ; второе состоитъ въ гармоническомъ и совершенномъ развитіи трехъ силъ его души,—ума, чувства и воли, изъ которыхъ слагается его личная жизнь и которыя въ своемъ тріединствѣ являются конечнымъ подобіемъ Божественнаго Тріединства. Подтвержденіе этого взгляда авторъ

ищетъ въ подробностяхъ библейскаго ученія о душѣ и духѣ. Подъ именемъ души священные писатели, по его мнѣнію, разумѣютъ совокупность низшихъ, элементарныхъ психическихъ состояній, непосредственно связанныхъ съ тѣломъ, а подъ именемъ духа—активное начало, объединяющее эти состоянія въ высшихъ процессахъ ума, чувства и воли и создающее изъ нихъ конкретную человѣческую личность. Отсюда, общій выводъ, къ которому приходитъ г. Заозерскій, слѣдующій: душа, какъ образъ Божій, есть единое активное начало, долженствующее реализоваться и получить конкретную форму личности въ трехъ силахъ или процессахъ: умѣ, чувствѣ и волѣ. Этотъ выводъ авторъ дѣлаетъ руководящимъ принципомъ для психологической теоріи, которую онъ излагаетъ во второй части своего сочиненія. Основой душевной жизни, по его мнѣнію, является психическій синтезъ, обнимающій всѣ ея состоянія, какъ наличныя, такъ и ранѣ пережитыя. Авторъ вскрываетъ роль этого синтеза и въ интеллектуальныхъ, и въ эмоціональныхъ, и въ волевыхъ процессахъ, и въ отдѣльныхъ душевныхъ явленіяхъ, и въ цѣлой совокупности психической жизни. Каждый актъ ума, чувства и воли есть результатъ синтетической дѣятельности души, объединяющей простѣйшіе элементы въ высшихъ формахъ. Въ каждомъ актѣ ума, чувства и воли соединяются элементы всѣхъ этихъ трехъ дѣятельностей, сливаясь другъ съ другомъ въ нераздѣльное цѣлое. Всѣ наличныя явленія душевной жизни объединяются въ сознаніи и стоятъ въ неразрывной связи съ прежде пережитыми, босознательными состояніями. Наконецъ, всѣ наличныя и ранѣ пережитыя состоянія сливаются въ единствѣ личности, для которой они служатъ основой и вмѣстѣ съ тѣмъ проявленіемъ. Что-же такое этотъ психическій синтезъ? Авторъ показываетъ, что это не есть механическая связь душевныхъ явленій, какъ думаютъ ассоціационисты. Путемъ механическихъ ассоціаций нельзя объяснить не только единства сознанія и личности, но даже такого простаго соединенія психическихъ элементовъ, какъ сужденіе. Психическій синтезъ, по его мнѣнію, и есть проявленіе того единого активнаго начала, которое является образомъ Божиимъ въ душѣ человѣка.

Таковъ ходъ мысли г. Заозерскаго, если дать себѣ трудъ

разобраться въ его довольно запутанныхъ и плохо систематизированныхъ разсужденіяхъ. Центр тяжести всей его работы лежитъ въ первой, богословской ея части, но здѣсь же заключаются и ея наибольшіе недостатки. Опредѣленіе, которое авторъ даетъ понятіямъ образа и подобія Божія, нужно признать правильнымъ и согласнымъ какъ съ Писаніемъ, такъ и съ ученіемъ Св. Отцовъ; но термины: „формальный“ и „матеріальный“, въ которыхъ онъ формулируетъ это опредѣленіе, непригодны для его цѣлей. Эти выраженія мало уясняютъ его мысль, вносятъ путаницу въ его изложеніе и звучатъ совершенно сгранно, когда авторъ, напр., говоритъ о „формальныхъ“ и „матеріальныхъ“ свойствахъ Божества или о „матеріальныхъ“ свойствахъ челоувѣческой души. Подобное-же нужно сказать о томъ опредѣленіи, какое онъ даетъ библейскимъ понятіямъ души и духа. Онъ правильно различаетъ эти понятія по ихъ содержанію, но ставитъ ихъ въ такое взаимное отношеніе, которое можетъ исказитъ ихъ смыслъ. Признавая духъ высшимъ активнымъ началомъ и усвоивъ ему Божественное происхожденіе, онъ считаетъ душу изведенной изъ земли, смертной и какъ бы матеріальной. Поводомъ къ такому недоразумѣнію послужило то обстоятельство, что словомъ „душа“ (nefesch) въ Библии обозначаются двѣ разныя вещи: съ одной стороны, жизненная или органическая сила, съ другой—совокупность психическихъ процессовъ, связанныхъ съ тѣломъ. Жизненная сила естественнo признается священными писателями по существу матеріальной и смертной, но психическіе процессы, хотя бы даже низшіе, не считаются ими ни матеріальными, ни смертными въ томъ смыслѣ, какъ смертно тѣло. Автору нужно было различать этотъ двоякій смыслъ библейскаго понятія души: тогда онъ увидѣлъ бы, что то, что можно говорить о душѣ, какъ жизненной силѣ, нельзя сказать о душѣ, какъ психическомъ началѣ. Вторая часть его сочиненія лучше первой. Въ ней нѣтъ ни крупныхъ промаховъ, ни бьющихъ въ глаза недоразумѣній; но она страдаетъ неколнотой и незаконченностью. Общій и главный недостатокъ всего сочиненія г. Заозерскаго состоитъ въ томъ, что оно плохо обработано. И въ общей его схемѣ, и въ его подробностяхъ есть немало такого, что авторъ, очевидно, неполнѣ продумалъ и недо-

статочно уяснилъ себѣ. Отсюда слабая систематизація его работы, поспѣшность выводовъ, туманность нѣкоторыхъ разсужденій и, наконецъ, неточность въ выраженіяхъ, которая иногда искажаетъ по существу правильную мысль. Все сочиненіе производитъ впечатлѣніе чего-то спѣшнаго, и эта спѣшность отражается не только въ недостаткахъ его содержанія, но и въ его небрежной перепискѣ.

Однако, какъ бы ни были существенны недостатки сочиненія г. Заозерскаго, они уравниваются еще болѣе существенными достоинствами. Прежде всего это сочиненіе обладаетъ преимуществомъ, которое рѣдко встрѣчается въ студенческихъ работахъ и которое приходится высоко цѣнить: оно съ начала до конца совершенно самостоятельно. Авторъ не компилируетъ слова или мысли иностранныхъ книжекъ; онъ не заимствуетъ чужихъ взглядовъ и идей; онъ всюду пробиваетъ себѣ дорогу своими собственными усилиями. Но этого мало: его сочиненіе не только самостоятельно, но и оригинально, какъ по своему замыслу, такъ и по его выполненію. Сдѣланное имъ психологическое примѣненіе библейскаго ученія объ образѣ Божіемъ ново и плодотворно. Оно дало ему возможность построить остроумную концепцію, которая успѣшно устраняетъ кажущееся противорѣчіе между библейской психологіей и современными научными выводами. Оно помогло ему установить такой взглядъ на душевную жизнь, который одинаково согласуется и съ христіанскимъ ученіемъ, и съ непосредственно психологическою дѣйствительностію. Если понятіе психической активности начинаетъ завоевывать себѣ въ современной психологіи все большую и большую почву, то идея душевнаго единства въ настоящее время почти забыта подъ вліяніемъ господствующихъ феноменалистическихъ теорій. Выдвинувъ эту идею на передній планъ и подтвердивъ ее фактами душевной жизни, авторъ уяснилъ себѣ одинъ изъ самыхъ важныхъ принциповъ, какими долженъ руководиться психологъ. Далѣе, сочиненіе г. Заозерскаго показываетъ, что онъ обладаетъ хорошими психологическими знаніями, критическимъ талантомъ и способностью къ психологическому анализу. Авторъ знакомъ съ лучшими трудами англійскихъ и нѣмецкихъ психологовъ, — съ сочиненіями Бэна, Джемса, Вундта, Брентано, Прейера и другихъ, которыхъ

ему пришлось изучать не только въ переводахъ, но и въ подлинникѣ. Правильно понимая и точно излагая воззрѣнія ассоціаціонистовъ и апперцепціонистовъ, онъ въ тоже время умѣетъ подмѣтить ихъ слабыя стороны и подвергаетъ ихъ дѣльной и основательной критикѣ. Свои собственные взгляды онъ старается основать на несомнѣнныхъ психологическихъ фактахъ, и сдѣланный имъ анализъ этихъ фактовъ иногда не оставляетъ желать лучшаго для студента. Наконецъ, авторъ хорошо владѣетъ перомъ и пишетъ легко, живо и интересно. Если принять во вниманіе трудность его темы и спорный характеръ тѣхъ вопросовъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло, то эти положительныя качества его сочиненія получаютъ еще большую цѣнность и даютъ ему полное право на кандидатскую степень“.

11. Ординарнаго профессора Николая Заозерскаго о сочиненіи студента *Измайлова Владиміра*: „Какими правилами руководится въ настоящее время православная церковь по вопросу о погребеніи христіанъ инославнаго вѣроисповѣданія, а также и православныхъ христіанъ, опорочившихъ себя приверженностію къ расколу, или иными, недостойными христіанина, тяжкими грѣхами?“:

„Весьма небольшое по объему (стр. 1—186) сочиненіе студ. Измайлова даетъ законченное и довольно основательное рѣшеніе вопроса, поставленнаго въ темѣ. Ходъ изслѣдованія, приведшаго автора къ такому рѣшенію даннаго вопроса, слѣдующій:

а) Безъ всякихъ предисловія авторъ начинаетъ свое сочиненіе представленіемъ въ точной копіи двухъ указовъ Св. Синода отъ 1797 г. 24 авг. и отъ 1806 г. 20 февр., излагающихъ правила, которыми долженъ руководиться православный священникъ относительно погребенія лицъ инославнаго вѣроисповѣданія (стр. 1—13).

б) Приведенными указами порядокъ погребенія иновѣрцевъ православными священниками опредѣленъ такъ ясно и точно, что „кажется—говоритъ авторъ—никакого недомѣнія и возникнуть не можетъ. Но не то мы видимъ въ дѣйствительности“ (стр. 14). Весьма многимъ эти указы кажутся слишкомъ суровыми. Перѣдко личные добродѣтели и заслуги отечеству усоншаго инославнаго христіанина, завѣдомо хорошо относившагося къ православной церкви,

а также просьбы родственниковъ его побуждали и побуждаютъ оказать усопшему большія погребальныя почести со стороны священника, чѣмъ какія предписываютъ воздавать ему вышеозначенные указы. Черѣдко подобныя обстоятельства дѣйствуютъ такъ сильно, что побуждаютъ священника отступать отъ точнаго исполненія вышеозначенныхъ указовъ и выражать большее участіе къ усопшему и его роднымъ (совершеніемъ панихицъ, поминовеніемъ усопшаго на проskomидіи). Отсюда естественно возникаетъ вопросъ: нельзя ли смягчить кажущуюся суровость вышеозначенныхъ указовъ? (стр. 43)

в) Вопросъ можетъ быть рѣшенъ только на твердой почвѣ каноновъ православной церкви. Авторъ довольно подробно и разсматриваетъ сначала опредѣленіе апостольскихъ правилъ объ отношеніи православныхъ (клириковъ и мірянъ) къ еретикамъ (43—80), затѣмъ

г) правила помѣстныхъ соборовъ и нѣкоторыхъ св. отцовъ (81—104) и въ результатѣ разсмотрѣнія даетъ слѣдующій выводъ: „вопросъ о томъ, позволительно ли православному священнику совершать погребеніе еретика или участвовать въ погребеніи такового въ качествѣ сослужителя съ духовенствомъ еретическимъ, — этотъ вопросъ, съ точки зрѣнія каноновъ православной церкви, можетъ получить одинъ только отвѣтъ: безусловно нельзя“ (стр. 104).

д) Таково каноническое отношеніе православнаго священнослужителя къ еретикамъ: но можно ли христіанъ инославныхъ исповѣданій (католиковъ и протестанговъ) приравнивать къ еретикамъ? Разрѣшенію этого вопроса авторъ удѣляетъ слѣдующіе два параграфа (V и VI стр. 104—118 и 118—143). По его мнѣнію отвѣтъ долженъ быть таковъ: по характеру своего вѣроученія не только протестанты, но даже и католики должны быть причислены къ еретикамъ, съ которыми каноны церкви православной запрещаютъ безусловно молитвенное общеніе; но поелику вселенская церковь не произнесла надъ ними своего рѣшительнаго приговора какъ надъ еретиками: то и вышеозначенная каноническая строгость въ отношеніи къ нимъ священнослужителя православнаго можетъ быть нѣсколько ослаблена. На этомъ основаніи и Св. Синодъ вышеупомянутыми своими указами и дозволилъ православному свя-

щеннослужителю провожать усопшаго католика и протестанта въ священномъ облаченіи и съ пѣніемъ „Святый Боже“. Авторъ однакоже отъ себя, опираясь на мнѣніе митрополита Филарета, выраженное имъ въ письмѣ къ намѣстнику Антонію, признаетъ возможнымъ нѣсколько осложнить этотъ слишкомъ краткій чинъ погребенія, именно внесеніемъ канона и особенно тропарей: „Святыхъ ликъ обрѣте“... и проч. (стр. 142, 143); но далѣе этого чина священнослужитель православный не долженъ идти въ выраженіи своего молитвеннаго участія къ усопшему иноувѣрцу. Это послѣднее положеніе авторъ утверждаетъ мнѣніемъ митр. Филарета, которое Св. Синодомъ одобрено въ указѣ отъ 10—15 марта 1841 г. и которое авторъ довольно смѣло называетъ „каноническимъ мнѣніемъ“ (144 стр.).

Въ параграфѣ 8-мъ авторъ рѣшаетъ вопросъ о томъ, долженъ ли православный священнослужитель удостоивать чина отпѣванія раскольника,—рѣшаетъ отрицательно (стр. 157—158). Въ § 9 и послѣднемъ авторъ рѣшаетъ вопросъ о погребеніи православныхъ христіанъ, омрачившихъ себя тяжкими грѣхопаденіями и не примиренныхъ съ церковью покаяніемъ, каковы самоубійцы, разбойники, убитые на дуэли. Вопросъ рѣшается въ общемъ вѣрно и довольно основательно. Въ похвалу автору должно быть вмѣнено между прочимъ и то, что въ настоящемъ параграфѣ онъ не ограничился только канонами Восточной церкви по данному предмету, но внесъ въ своемъ переводѣ и нѣсколько дов. интересныхъ правилъ соборовъ Западной церкви V и VI вв., заимствуя ихъ изъ извѣстной книги Гефеле: Conciliengeschichte.

И вообще сочиненіе студ. Вл. Измайлова можетъ быть признано удовлетворительно разрѣшающимъ поставленный въ темѣ весьма серьезный вопросъ. Но въ частности оно не свободно отъ нѣкоторыхъ дов. важныхъ недостатковъ. Такъ авторъ не вполне вѣрно раскрываетъ духъ и цѣль каноновъ православной церкви, утверждая, что они воспрепятствуютъ *безусловно* молитвенное общеніе православнаго священнослужителя съ еретикомъ. Остановившись же на этомъ ложномъ утвержденіи, онъ, очевидно, долженъ признать противоканоническимъ и свое мнѣніе, что православный священнослужитель долженъ удостоивать усопшаго иноувѣрца

чина погребенія, хотя и дов. краткаго... Авторъ опустилъ изъ виду, что разсмотрѣнныя имъ каноническія предписанія относятся къ разряду *дисциплинарныхъ*, а не безусловныхъ предписаній; дисциплинарныя же предписанія въ примѣненіи своемъ не безусловны, а непременно должны обусловливаться временемъ и обстоятельствами Съ еретикомъ, злобно и враждебно относящимся къ церкви, служитель ея конечно не долженъ имѣть никакого молитвеннаго общенія; но съ инославнымъ христіаниномъ, *просящимъ* у священнослужителя молитвеннаго утѣшенія, послѣдній конечно долженъ поступить иначе.

Второй важный недостатокъ—неполнота научнаго матеріала. Для рѣшенія вопроса авторъ ограничился исключительно первоисточниками, т. е. канонико-юридическимъ матеріаломъ (правилами св. апостоловъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и св. отцовъ; указами Св. Синода и мнѣніями митр. Филарета), но даже не упомянулъ о какихъ либо литературныхъ *пособіяхъ* по данному предмету, хотя вѣроятно и пользовался ими.

Имѣя въ виду указанные достоинства сочиненія студ. Вл. Измайлова, признаю оное удовлетворительнымъ для полученія авторомъ степени кандидата богословія“.

12. Экстраординарнаго профессора Василия Соколова о сочиненіи студента *Казакова Павла*: „Камень вѣры“ Стефана Яворскаго и его значеніе въ православной полемикѣ съ протестантствомъ“:

„Сочиненіе г. Казакова состоитъ изъ вступительныхъ замѣчаній и трехъ большихъ главъ, подраздѣляющихся на отдѣлы и параграфы.

Во вступительныхъ замѣчаніяхъ авторъ выясняетъ, насколько „Камень вѣры“ доселѣ останавливалъ на себѣ вниманіе изслѣдователей, а затѣмъ, сообщивъ краткія біографическія свѣдѣнія о митрополитѣ Стефанѣ, на основаніи этихъ свѣдѣній устанавливаетъ планъ своего предстоящаго изслѣдованія.

Первую главу авторъ посвящаетъ личности Стефана Яворскаго, при чемъ первый отдѣлъ, въ трехъ особыхъ параграфахъ, выясняетъ тѣ историческія условія, подъ вліяніемъ которыхъ воспитался и выработался писатель „Камня вѣры“, а именно: характеризуетъ римско-католи-